

Православные приходы Новгорода и окрестностей в период нацистской оккупации

Иван Петров

Orthodox parishes in Novgorod and the surrounding area during the Nazi occupation

Ivan Petrov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870016617-9

История «Православной миссии в освобождённых областях России», более известной как Псковская православная миссия, давно привлекает внимание исследователей, зачастую стоящих на диаметрально противоположных позициях. За последние 15 лет помимо фундаментальной монографии К.П. Обозного¹ вышло множество работ, в которых в той или иной мере освещалась церковная жизнь на временно оккупированном Северо-Западе России в 1941—1944 гг.² Территория, на которой развернулась деятельность миссии, включала Псковскую, Новгородскую, Ленинградскую и часть нынешней Тверской области. Но если собственно о Пскове и его окрестностях написано уже немало, то ситуация в Новгороде и прилегающих к нему районах ещё практически не изучалась, что во многом связано с эвакуацией жителей города в самом начале его оккупации. Однако местную специфику безусловно необходимо проанализировать.

К лету 1941 г. православные приходы Новгородской епархии находились в критическом положении. Ещё в 1930-х гг. перестали служить в закрытых ранее монастырях. К началу 1937 г. в самом Новгороде насчитывалось пять действующих церквей (Борисоглебская, Климентовская, Флоровская, Св. Феодора Стратилата и Михаило-Архангельский собор). К ним можно прибавить Тихвинский храм, находившийся в непосредственной близости от города, на старом кладбище. 16 декабря 1937 г. был арестован ряд пастырей и активных мирян во главе с епископом Демянским, викарием Новгородской епархии Сергием (Васильевым). Они обвинялись в создании «контрреволюционной орга-

© 2021 г. И.В. Петров

Статья подготовлена при поддержке гранта президента РФ для молодых кандидатов наук № МК-4539.2021.2. «Попытки отделения православных приходов Беларуси, Латвии и Эстонии от Русской Православной Церкви в 1941—1991 гг.».

¹ *Обозный К.П.* История Псковской православной миссии. 1941—1944 гг. М., 2008.

² *Бернев С.К.* Образование Псковской православной миссии // Жизнь и безопасность. 2004. № 1—2. С. 368—374; *Бернев С.К.* «Православная миссия» в оккупированном Пскове. «Докладная записка управления НКГБ по Ленинградской области. 1944 г.» // Исторический архив. 2008. № 5. С. 38—54; *Ковалёв Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941—1944. М., 2004; *Корнилов А.А.* Преобразование России: О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941—1945). Н. Новгород, 2000; *Шкаровский М.В.* «Господь дарует нам победу». Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. М., 2020; *Шкаровский М.В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и православная Церковь. М., 2007.

низации церковников». Владыку Сергия расстреляли 9 сентября 1938 г. Такая же участь ждала и связанных с ним священников. С этого времени богослужение в Новгороде стало совершаться лишь в Михаило-Архангельском соборе, а его настоятель — протоиерей Владимир Богданов — являлся единственным зарегистрированным священником в городе (ещё один пастырь — Иоанн Мудролюб — оставался при Тихвинской церкви)³.

В 1939 г. ушедшего на покой о. Владимира Богданова, которого многие подозревали в сотрудничестве с «органами», сменил о. Василий Николаевский, ранее работавший по гражданской специальности. О его прошлом сохранились достаточно противоречивые сведения. Согласно личному делу, он родился в январе 1898 г. в семье священника с. Воронина Демянского уезда, через 17 лет окончил Старорусское духовное училище, в 1916 г., выдержав экзамен на иерейский сан (перед тем успешно экзаменовался на Псаломщицких курсах в Новгороде). Ожидая рукоположения, состоял при Местецкой и Выставской церквях в Старорусском уезде. В 1917 г. его мобилизовали, однако он вскоре вернулся к своим обязанностям псаломщика в Луженской церкви Демянского уезда. С 1920 г. Николаевский учительствовал в Кирилловской школе, а в 1922 г. уже исполнял обязанности диакона в Свято-Духовой церкви Старой Руссы, в 1923 г. получил архипастырское благословение. В 1926 г. о. Василий стал священником в Волотово под Новгородом, в 1927 г. получил в награду набедренник, в 1928 г. — скуфью. В 1928 г. его выслали по ст. 59 на 5 лет в Западную Сибирь. В 1934 г. вернувшегося священника определили на приход в деревню Пеньково, наградили камилавкой (1935), наперсным крестом (1936), а через четыре года перевели в Георгиевскую церковь Старой Руссы. С конца 1938 г. по середину 1939 г. он находился за штатом, но затем оказался в Новгороде, был возведён в сан протоиерея и получил крест с украшениями, а в 1940 г. — палицу⁴.

С первых же дней оккупации Новгорода о. Василий пытался спасти людей от расправы и гибели. «Накануне вступления немцев в Новгород, — рассказывала Комиссии по учёту ущерба и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Новгородской обл. 65-летняя местная жительница П.М. Алексина, — весь город горел. В Духовом монастыре от пожарища в обувной фабрике загорелась Троицкая церковь. Но когда утихли пожары, то было видно, что Новгород, хоть и очень пострадал, но всё-таки было много домов невредимых, целые улицы. Из убежища, где было человек 200, нас вывели немцы, в первый день, когда пришли в Новгород... В подвал [Духова монастыря] вошли вооружённые немцы. При входе немецкий солдат убил из ружья старика, фамилии которого я не знаю. Старик был убит за то, [что] держался за дверь, думая, что эту дверь открывают им. В тот же момент другим выстрелом был убит валяльщик валенок, старик, фамилии которого я не знаю. Этот в момент своего убийства сидел на скамейке и ничем не выражал сопротивления немцам. После этого убийства явился священник Николаевский и объяснил немцам, что мы мирные жители и тут спасались от бомб. После этого ночью

³ Астахов И.Э., Петров И.В. К вопросу о попытках уничтожения церковной жизни и православного духовенства в Новгороде в 1936—1941 гг. // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 147—152.

⁴ Государственный архив Новгородской области (далее — ГА НО), ф. Р-4110, оп. 1, д. 26, л. 4.

нас всех почти 200 человек прогнали к станции, где мы сами разместились в остатках сараев, так как станция уже догорала, и переночевали ночь в сараях»⁵.

Стараясь наладить контакт с оккупантами, о. Василий даже устраивал нечто похожее на импровизированные экскурсии для офицеров-испанцев. «В один прекрасный день, — вспоминал капитан Г. Диас дель Рио, восхищавшийся красотами Софийского собора и других памятников Новгородского кремля, частично разрушенных в ходе военных действий, — мы вновь побывали в соборе. Нас сопровождал священник, который подробно рассказывал об этом древнем храме. Особенно долго он описывал нам фрески на центральном куполе, которые, по поверью, были связаны с текущим состоянием Новгорода. Священник сказал нам: “Согласно легенде, художник на своде купола собора нарисовал картину с изображением Иисуса Христа с благословляющей рукой. Но на следующее утро рука оказалась сжатой в кулак. Художник несколько раз перерисовывал ее, но она снова сжималась в кулак. Предание гласит, что, когда рука Иисуса Христа откроется, Новгород будет уничтожен”. Мы взглянули на центральный купол и решили, что пророчество начало сбываться: ведь Новгород был практически разрушен»⁶.

Многие испанцы, отправлявшиеся воевать с СССР, воспринимали русское население как «одурманенное» большевистской атеистической пропагандой, возбуждавшей ненависть к Церкви, в особенности у молодёжи, воспитанной в советской школе. Людей, привыкших к острому конфликту между традиционной религиозностью и социалистическим антиклерикализмом, удивляло «соседство» в домах икон и изображений коммунистических лидеров и советских символов. В целом, испанцы гораздо больше немцев интересовались православным богослужением и стремились выявить препятствия к «объединению» христианских конфессий, чем вызывали недовольство нацистов⁷.

Между тем отношение оккупантов к православным святыням было, по меньшей мере, неоднозначным. С одной стороны, испанцы отмечали разрушения, возникшие за годы большевизма. «В Новгороде множество церквей, — писал Диас дель Рио. — Более сорока из этих храмов, согласно полученному нами плану, были превращены большевиками в склады... В одной из церквей я видел ткацкие станки»⁸. Но в то же время именно испанские солдаты после осмотра церкви Феодора Стратилата на Ручью (до оккупации в ней располагался музей) употребили её иконостас «под топливо». Иконостас в церкви Святых Петра и Павла «подвергался исключительной опасности». Действовавший храм Михаила Архангела испанцы фактически уничтожили, разграбив ризницу, несмотря на противодействие со стороны первого бургомистра города — известного археолога В.С. Пономарёва⁹. Сами испанцы признавали, что подобные действия только отвращают местных жителей от оккупантов. Тот же Диас дель

⁵ Там же, ф. Р-1793, оп. 1, д. 51, л. 16.

⁶ Ковалёв Б.Н. Испанская дивизия — союзник Третьего рейха. 1941—1945 гг. СПб., 2020. С. 56—57.

⁷ Там же. С. 249—250.

⁸ Там же. С. 63.

⁹ Реальное состояние новгородских церквей тех лет отражено в картотеке «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг», в которой дана оценка культурных ценностей оккупированных областей СССР. В ней можно встретить указания на ущерб, нанесённый как большевиками, так и нацистами. (Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии / Под ред. М.А. Бойцова, Т.А. Васильевой. М., 1998. С. 262—263, 268).

Рио прекрасно понимал, что использование башен и колоколен Новгорода в качестве наблюдательных пунктов обрекает их на разрушение огнём советской артиллерии. Особенно разрушительными оказались удары по Софийскому собору¹⁰.

Иногда немцы устраивали в церквях или рядом с ними карательные акции. Так, в православном монастыре рядом со Старой Руссой содержали заключённых. По свидетельству одного из местных жителей, «спустя две недели после регистрации немцы арестовали всех евреев, в том числе женщин, детей и стариков, посадили часть их в тюрьму, а часть в приспособленное здание под тюрьму в монастыре. По ночам из здания тюрьмы доносились крики ни в чём не виновных женщин, детей и стариков. Немцы расстреливали целые семьи лишь за то, что они принадлежали к еврейской национальности. Всего истребили около 2 000 мирного еврейского населения в городе»¹¹. Жительница села Большое Замостье А. Манухина 11 октября 1944 г. рассказывала, что «когда испанцы гнали русских пленных красноармейцев трёх человек, немцы в нашей деревне у церкви их всех трёх расстреляли»¹².

Как позднее установила Комиссия содействия по расследованию немецко-фашистских злодеяний на территории Гладского сельсовета Чудовского района Новгородской обл., 20 октября 1941 г. немецкие войска «вероломно ворвались на территорию Гладского с/совета и хозяйничали на протяжении двух месяцев. Перед своим отступлением немецкие насильники под силой оружия всех жителей дер[евни] Гладь согнали в местную церковь в количестве 450 человек». Проживавшая там неграмотная Т. Вострякова 19 февраля 1945 г. сообщила, что «в декабре 1941 года немцы перед своим отступлением на дер[евню] Гладь под силой оружия согнали всех жителей деревни Гладь в местную церковь, около 450 человек, среди которых были дети, старики и женщины. Не оставив в деревне ни одного человека, когда выгнали нас в церковь, немцы отбирали от людей... вяленые сапоги, тёплую одежду. Сняли с ног сапоги у Артемьева Николая Ивановича и ряд других, после чего заперли нас в церкви и держали двое суток, кругом церкви немцы выставили вооружённых пулемётами и винтовками часовых, для того чтобы никто не смотрел в окна и не стучал в дверь, кроме того, часовые предупредили: в случае нарушения жители будут расстреляны на месте. Просидели мы в церкви без пищи и воды. При приходе Красной армии в дер[евню] Гладь нас освободили из церкви»¹³. Также в ходе работы чрезвычайной комиссии было установлено, что «осенью в 1941 году немцы зверски повесили трёх военнопленных красноармейцев, вышедших из окружения, на виселице, находящейся около церкви, в селе Чёрное. Трупы висели на виселице трое суток, раздетые до нижней одежды. После чего были похоронены на местном кладбище»¹⁴.

Вместе с тем в ряде случаев оккупационные власти оказывали помощь духовенству и верующим. В частности, немецкая комендатура содействовала ремонту церкви Михаила Клопского в селе Завал неподалёку от Новгорода (на территории закрытого большевиками Свято-Троицкого монастыря)¹⁵.

¹⁰ Ковалёв Б.Н. Испанская дивизия... С. 73—74.

¹¹ ГА НО, ф. Р-1793, оп. 1, д. 31, л. 15.

¹² Там же, д. 23, л. 13.

¹³ Там же, д. 33, л. 48, 54.

¹⁴ Там же, д. 7, л. 63.

¹⁵ Там же, ф. Р-2107, оп. 1, д. 16, л. 1—21.

С осени 1941 г. о. Василий приступил к восстановлению религиозной жизни. По данным М.В. Шкаровского, «у прот[оиерея] В. Николаевского хранилось в соборе более 20 запасных антиминсов и большой запас св[ятого] мира, поэтому он мог возрождать храмы и направлять священников на приходы... Всего о. Василий лично освятил десять сельских храмов, в том числе шесть в Новгородском районе: 8 сентября 1941 г. Вяжищинский Никольский, 27 сентября 1941 г. Ракомский Знаменский, 6 ноября 1941 г. Георгиевский в с. Егорий (Георгий), 25 февраля 1942 г. и 10 сентября 1943 г. два престола в Ямковском, 25 февраля 1943 г. Витковский и 14 сентября 1943 г. Орловский; две церкви в Шимском районе: 10 августа 1942 г. Голинскую и 11 августа 1943 г. Подгощинскую, а также две в Батецком районе: 3 декабря 1942 г. Сабельскую и 16 декабря 1942 г. Черновскую»¹⁶. Первым местом служения о. Василия в условиях оккупации стало Поозерье, неподалёку от Новгорода. Именно туда, согласно данным анкеты, он переехал в 1942 г. «по случаю эвакуации из Новгорода»¹⁷.

Усилия о. Василия поддержал и проживавший до начала оккупации в Новгороде иеромонах Валентин (Лелеянов). Он родился в 1878 г. в Вязьме, где окончил 6-классное училище, а в 1896 г. поступил в Коневецкий Рождественский монастырь и в 1908 г. принял монашество. В 1909 г. в Выборге архиепископ Сергей (Страгородский) рукоположил его во иеродиакон. В 1912 г. он стал иеромонахом, и то отправлялся на Коневец, то служил в Петербурге (Петрограде) — сначала на Коневском подворье, а после того, как его 28 октября 1917 г. закрыли, — в Знаменской церкви у Московского вокзала; в 1924 г. получил в награду золотой наперсный крест. В 1933 г. инока арестовали и на 5 лет выслали во Владивосток, откуда о. Валентин вернулся через полтора года, будучи амнистирован по инвалидности¹⁸.

Священник Пётр Чесноков (1883 г.р.), служивший с 1908 г. на Волыни, а затем на территории Волховского района Ленинградской обл., в 1933 г. осуждённый тройкой ОГПУ по ст. 58-10 и 58-11 и до 1939 г. отбывавший срок во Владивостоке, писал в анкете послевоенного времени: «Война застала меня на посту сторожа рыбного склада Ленрыба в Новгороде и попал в плен и служил священником до дня окончания войны в д. Орлово Новгородской области и в Латвии Скрунде»¹⁹. К служению также вернулся пожилой (1868 г.р.) священник Феодор Берзняковский, высланный в 1930 г. из Ярославской обл., отбывший, согласно анкете, три месяца в лагере по ст. 58-10 и поселившийся в Новгороде²⁰. Первоначально он встал у алтаря в селе Георгий под Новгородом, позднее его переместили в село Васильевское. После войны ему пришлось объяснять свои действия тем, что «были открыты церкви», и требовалось в них служить²¹.

В Новгороде жил как заштатный архиерей и бывший викарий Новгородской епархии Макарий (Опоцкий). Несмотря на то, что его несколько раз арестовывали, ему удалось организовать из своих духовных чад религиозно-трудо-

¹⁶ Шкаровский М.В. Церковь зовёт к защите Родины. СПб., 2005. С. 344.

¹⁷ ГА НО, ф. Р-4110, оп. 1, д. 26, л. 4.

¹⁸ Архив Санкт-Петербургской епархии (далее — АСПБЕ), ф. 1, оп. 13а, д. 118(14), л. 2—5; оп. 4(2), д. 2, л. 82.

¹⁹ ГА НО, ф. Р-4110, оп. 1, д. 15, л. 5.

²⁰ Там же, д. 44, л. 2.

²¹ АСПБЕ, ф. 1, оп. 13а, д. 112(8), л. 2, 4.

вое братство²². Однако в 1941 г. владыка Макарий уже тяжело болел и в ноябре скончался в деревне Витка Новгородского района. Архипастыря похоронили на Петровском кладбище Новгорода; отпевал его протоиерей В. Николаевский.

Смерть преосвященного, по-видимому, сказала на решении проблемы канонического подчинения новгородских приходов. Протоиерей Николаевский, служа в Новгороде, а затем в Поозерье, действовал автономно от образованной во Пскове прибывшими из Латвии пастырями «Православной миссии в освобождённых областях России». О её существовании о. Василий узнал в самом конце 1941 г. Тем временем в декабре 1941 — начале 1942 г. из Новгорода выселили ещё остававшихся там жителей, соответственно и приходская жизнь сместилась в район, где с июня 1942 г. существовал Новгородский благочиннический округ. Вплоть до окончания оккупации его возглавлял протоиерей Николаевский. С февраля по июль 1942 г. он также являлся уполномоченным Псковской миссии по Новгородском округу²³. Затем эти обязанности на несколько месяцев перешли к ушаковскому благочинному Иоанну Амову, однако фактически тот в Новгородском районе не появлялся. Отдельные священники, в частности Димитрий Кратиров или Пётр Чесноков, переписывались с управлением миссии, но фактически зависели от протоиерея Николаевского. В феврале 1943 г. в ходе поездки во Псков он был утверждён благочинным Новгородского округа и оставался таковым до ноября. Впрочем, и в этот период связь с Псковом поддерживалась слабо, о. Василий сам управлял приходами, лишь изредка отправляя своих диаконов в Ригу для рукоположения во иереи²⁴.

Судя по всему, протоиерей Николаевский наладил взаимоотношения с немецкой администрацией ещё до «миссионерской разведки» из Риги. Будучи в предвоенные годы единственным священником в Новгороде, он знал реальное положение местных приходов и проживавших в округе духовных лиц, по тем или иным причинам не служивших до оккупации. Как многим другим «подсоветским» священникам, ему не внушали доверия миссионеры из Латвии. Позднее он легко мог объяснять постигшие его «прешения» своей «промосковской линией». Действительно, благочинный не подписывал каких-либо антисоветских воззваний и сохранял верность владыке Сергию (Страгородскому). Протоиерей Николай Ломакин, посетивший 29 января — 5 февраля 1944 г. освобождённый от немцев Новгород, сообщал митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию (Симанскому): «Везде за богослужением возносились имена патриаршего местоблюстителя, Вашего высокопреосвященства и литовского епископа, имени которого верующие не помнят. Однако в последнее время, незадолго перед изгнанием из Новгорода, немцы распространили слух о смерти Вашего высокопреосвященства. Об этом пришлось слышать от вышеупомянутых монахинь и от многих свидетелей-верующих»²⁵. Впрочем, по свидетельству священника Николая Светлова, в Шимске во время молебна в «день освобождения» протоиерей Николаевский поздравлял местных жителей с тем, что они не находятся под властью большевиков²⁶.

²² Буданова А.В. Духовная жизнь братства епископа Макария (Опоцкого) по материалам частного архива семей Пикиных-Брагиных и Беляевых // Сретенские чтения. Материалы XXV научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов. 2019. М., 2019. С. 256—263.

²³ Обозный К.П. История Псковской православной миссии... С. 136—139.

²⁴ Шкаровский М.В. Церковь зовёт... С. 344—347.

²⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 15—15 об.

²⁶ Шкаровский М.В. Церковь зовёт... С. 348.

Благодаря протоиерею В. Николаевскому в Новгородском районе удалось предотвратить появление таких авантюристов-самосвятов, как Николай Савельев и Никанор Капустин, которые решили в сложной ситуации военного времени стать «священниками». Между тем часть приходов Новгородчины, находившихся в непосредственной близости к Чудово, контролировались самосвятом Иоанном Амозовым, скомпрометировавшим себя сотрудничеством с немецкими карателями и открытым пренебрежением к духовенству. Западные районы области, оказавшиеся в составе Порховско-Дновского благочиннического округа, а также присоединённые к нему некоторые приходы Шимского района и церкви, расположенные около Старой Руссы, управлялись латвийским священником Василием Рушановым. В Солецком районе ему помогал протоиерей Владимир Бируля, а в Волотовском — протоиерей Михаил Никитин. Священники этого благочиния в ноябре 1942 г. приняли участие в пастырском съезде в г. Дно. Наконец, часть приходов Уторгошского и Батецкого районов, относившихся до революции к Лужскому уезду, вошли в Лужский округ, который последовательно возглавляли священники Николай Заболоцкий, Иаков Начис и Михаил Образцов. Тем не менее далеко не все храмы окормлялись пастырями, находившимися в ведении благочинных. Так, «иосифляне» архимандрит Сергей (Андреев), иеромонах Варсонофий (Кузьмин) и протоиерей Николай Светлов в начале нацистской оккупации служили самостоятельно, а впоследствии присоединились к Московской патриархии, уведомив об этом протоиерея Николаевского²⁷.

Среди представителей новгородского духовенства встречались как те, кто не ждал ничего хорошего от возвращения Красной армии и проявлял лояльность к господству оккупантов, так и деятельные советские патриоты, помогавшие партизанам. Наиболее известен из них настоятель Александро-Невской церкви с. Видони Солецкого района о. Мефодий Белов. В «Материалах о боевой деятельности 5-й партизанской бригады за январь—июнь 1944 г.» сохранилась составленная 12 апреля 1944 г. стенограмма сообщения подполковника К.Д. Карицкого о событиях минувшей зимы. В ней, в частности, сказано: «Священник Видонской церкви Белов, читая проповедь, молит бога о победе Красной армии и зовёт народ на борьбу с врагом. Всякий раз верующие приносят свои сбережения, деньги, серебряные и золотые вещи на строительство танков для Красной армии. За несколько месяцев священник собрал более 10 000 рублей и сдал их партизанам. Свою дочь священник благословил и направил в партизанки. Сам же предложил свои услуги по разведке станции Уторгош»²⁸. В другой стенограмме, датированной 11 апреля 1944 г., комиссар 5-й Ленинградской партизанской бригады герой Советского Союза капитан И.И. Сергунин рассказывал: «Когда мы спустились на юг в Уторгошский район в деревне Киевец, то мне сказали, что в Видонях есть хороший поп отец Степан (так в тексте. — *И.П.*). К нему съездили и с ним побеседовали. Он неуверенно к партизанам относился. Когда он хоронил одного крестьянина в Киевец, то он

²⁷ Там же. С. 344—345, 348—349, 354. Как отметил Шкаровский, особенностью религиозной жизни на территории области в период оккупации являлось также «значительное количество монашествующих, в основном из многочисленных закрытых новгородских обителей». Ввиду близости линии фронта «ни одна из них не была возрождена, и уцелевшие в ходе репрессий 30-х годов насельники служили в качестве приходских священников» (Там же. С. 347).

²⁸ Государственный архив Новейшей истории Новгородской области, ф. 260, оп. 1, д. 201, л. 80 об.

пришёл ко мне. Мы часа три с ним беседовали. Хороший, грамотный человек. Такой русский патриот. Ему лет 67—68. У него после этого изменилось мнение о партизанах. Он думал, что партизаны это что-то вроде бандитов. Мы беседовали с ним о том, как он проповеди читает. Он дал согласие читать проповеди о неизбежности победы русского оружия, но не так открыто. Я давал ему темы. Он говорил о партизанах и о помощи партизанам. Он приходил потом и рассказывал, как народ воспринимал, как население плакало. Он говорил, что, несмотря на то что район оккупирован, всё же тут происходит борьба. Я его в первые дни контролировал. Посылал своих людей. Потом уверился в нём. Он прислал свою дочку в партизанки. Она сфотографирована на плёнке видеооператором. Он её благословляет на паперти своего храма идти в партизанки. Его дочь Руфа пришла к нам. Он всё время помогал. Мы его передали, как местного жителя, в тройку. Он стал в разведку ходить. Без оружия ходил в районные центры». Именно Сергунин изложил обстоятельства гибели о. Мефодия: «Заняли Видони. Сожгли всю деревню и церковь. Его били не до смерти. Тогда он перешёл в местный партизанский отряд. Мы ему запретили ходить в разведку. Говорили, что его могут убить. Потом он как-то уговорил председателя тройки Петрова и пошёл в Уторгош. Нужны были данные насчёт того, когда будут эвакуировать население из районного центра Уторгош. Он пошёл и его там схватили. Долго мучили. Спрашивали о партизанах, кто командир. Он ничего не сказал. Его до полусмерти избили, а потом пристрелили»²⁹.

В дальнейшем судьба новгородских православных пастырей, переживших оккупацию, сложилась по-разному. Протоиерей В. Николаевский в начале 1944 г. проживал в Новгороде. В личном деле последним местом его служения назван храм родного с. Воронино Демянского района³⁰. После освобождения областного центра он занялся восстановлением религиозной жизни на его территории. Естественно, практически сразу же верующие попросили открыть собор Михаила Архангела. 27 февраля 1945 г. председатель исполкома Новгородского областного совета П.П. Еремеев писал председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпову: «Исполнительный комитет Новгородского областного совета депутатов трудящихся представляет при этом материалы об открытии церкви в Новгороде, находит возможным удовлетворить ходатайство верующих — открыть церковь Михаил Архангела, находящуюся в гор[оде] Новгороде, на улице Желябова... 1. Верующие, подавшие заявления об открытии церкви, действуют по личной инициативе. 2. Церковь Михаил Архангела, об открытии которой просят верующие, функционировала непрерывно в течение 300 лет вплоть до Отечественной войны и перестала функционировать лишь с декабря 1941 года, ввиду угона немцами из Новгорода всех жителей. 3. Здание церкви после изгнания из Новгорода немецких оккупантов сохранилось и временно приспособлено под столярную мастерскую горкомхоза и частично используется под жильё для рабочих. В настоящее время эта церковь требует следующего ремонта: разобрать временные перегородки, частично вставить оконные переплёты, остеклить рамы окон и произвести косметический ремонт. 4. В городе Новгороде действующих церквей нет, а в районе... церковь имеется лишь в селе Васильевское Самокрыжского с/совета Новгородского района

²⁹ Там же, л. 66—67. О деятельности священников, помогавших подполью, см. также: *Петров И.В.* Православное священство: пастырское служение в немецкой оккупации и дальнейшая судьба // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8. № 3. С. 777—791.

³⁰ ГА НО, ф. Р-4110, оп. 1, д. 26, л. 4.

на расстоянии 20 км от Новгорода. 5. Ленинградская епархия поддерживает ходатайство от верующих об открытии церкви в гор[оде] Новгороде. Бывший настоятель церкви Михаила Архангела протоиерей Василий Николаевский уже прибыл в Новгород»³¹.

В апреле 1945 г., будучи новгородским благочинным, протоиерей Николаевский докладывал в канцелярию митрополита Ленинградского и Новгородского о своей поездке на территорию Шимского района, составлял «наградной» список священнослужителей, направлял прошение двадцатки Угловской церкви. Тогда он просил архиепископа Псковского и Порховского Григория (Чукова) возбудить ко дню Святой Пасхи ходатайство о возведении в сан игумена иеромонаха Валентина (Лелеянова). Благочинный характеризовал его 30 апреля как священника «поведения безукоризненного», который «церковные службы соблюдает с благоговением, а также и все требы; пользуется со стороны верующих любовью и уважением». По мнению о. Василия, заслуживал награды и священник Николай Десятинский. Он «долго служил в Церкви Христовой» в Новгородской губ.: в 1894—1906 гг. — псаломщиком, затем — диаконом в Подберёзковом храме Григория Богослова. В 1938 г. после закрытия церкви его отстранили от служения, ему пришлось заниматься тяжёлым физическим трудом. Но в условиях оккупации он сначала вернулся в диаконы, а в 1943 г. был рукоположен в иереи епископом Рижским Иоанном (Гарклавсом). Благочинный был им доволен и заявлял, что священник «к своим пастырским обязанностям относится исправно; поведения отличного». Со своей стороны, архиепископ решил наградить о. Николая набедренником, а повышение иеромонаха Валентина отложил³². Сам протоиерей В. Николаевский вскоре скончался.

Гораздо меньше повезло о. Петру Чеснокову. В мае 1945 г. его обвинили в систематической антисоветской пропаганде, пораженческой агитации и «восхвалении фашистского режима». Он оказался в новгородской тюрьме № 1 Управления НКВД и, несмотря на прошения прихожан, в июле того же года военный трибунал войск НКВД по Новгородской обл. на закрытом заседании приговорил его к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. В антисоветской деятельности «уличили» и о. Петра Кононова. До войны он служил в Архангельской обл., затем работал насосником на заводе автоприцепов на станции Пелла, неподалёку от Ленинграда, расчищал улицы в оккупированном Новгороде. Лишь в ноябре 1942 г. ему удалось зарегистрироваться священником у заместителя благочинного протоиерея Владимира Бирули³³.

Отличительной чертой служения православного духовенства в Новгороде и его окрестностях в условиях нацистской оккупации являлась известная автономность при меньшей численности открытых церквей по сравнению с территориями, на которых действовала Псковская миссия. Сказывалась близость фронта: частые бомбардировки, разрушение и осквернение храмов немцами и испанцами, карательные акции оккупантов. Тем не менее даже в этой обстановке на оккупированной части нынешней Новгородской обл. открылось 40 церквей³⁴. Непосредственно участвовавший в этом протоиерей В. Николаевский в послевоенный период быстро включился в восстановление местной приходской жизни.

³¹ Там же, л. 1—1 об., 4.

³² АСПБЕ, ф. 1, оп. 4(2), д. 2. л. 81—82 об.; оп. 13а, д. 133(29), л. 2—3.

³³ Шкаровский М.В. Церковь зовёт... С. 351—352.

³⁴ Асташкин Д.Ю., Ковалёв Б.Н., Кулик С.В. Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Спротивление. Возмездие. СПб., 2018. С. 110.